

Глава 1. Коммуникативно-прагматические основания исследования вводных элементов

1.1. Исследование вводных элементов: от структурно-семантического подхода к коммуникативно-прагматическому аспекту

Проблема метатекстовых элементов (вводных и вставных элементов высказывания и сверхфразовых единств) привлекает к себе пристальное внимание исследователей на протяжении всей истории отечественной лингвистики. Так, например, ученых интересует, что собою представляют вводность и вставочность с точки зрения функциональной, семантической, грамматической точек зрения, каково их назначение и положение в структуре предложения и текста, а также особенности формирования высказывания в речи.

Неоспорим тот факт, что подход к изучению метатекстовых элементов в синтаксисе русского языка должен осуществляться не только в русле сложившихся в лингвистике традиций, но и с коммуникативно-прагматических позиций.

Изучение научного наследия по вопросу о вводных элементах (в том числе и вставных) пока началось с М.В. Ломоносова (за каждый из крупных лингвистов (Н.И. Греч, И.И. Давыдов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов и др.) ставил вопрос о категории вводности и так или иначе разрешал его в зависимости от исходных методологических позиций).

Однако глубокому и всестороннему анализу вводные и вставные компоненты с позиций речевой деятельности не подвергались, и специально проблема вводности и вставочности в этом аспекте широко не обсуждалась.

Следует отметить, что термин «вводность» долгие годы в лингвистике понимался весьма широко, трактовался неоднозначно и вследствие этого зачастую поглощал понятие «вставочности», которое подчас заменялось термином «вводные предложения» (А.И. Студнева 1968, 1969).

В трудах М.В. Ломоносова понятие «вводный член предложения» отсутствует. Большинство вводных слов он относит к наречиям.

В «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1757г.) упоминается о вставочных конструкциях в главе IV, озаглавленной «О знаках», где мы находим следующее: «Вместительный знак слово или целый разум в речь вмещает без союза и порядочного сочинения: «*Меня (кто бы подумал?)* от тебя отлучают» [Ломоносов М.В., 1757: 42]. Обращает на себя внимание, тот факт, что элемент *кто бы подумал* является вставочным элементом.

В работе Н.И.Греча «Практическая русская грамматика» (1827г.) не употребляется еще термин «вставная конструкция» и не выделяются вставные конструкции из числа вводных. Н.И. Греч, однако, указывает на то, что вводное предложение - это особое предложение, которое только вставляется в середину речи, не соединяясь другим членом предложения.

Автор переводит изучение вставок с уровня пунктуационного на уровень грамматический. При этом он также отмечает смысловую связь «вводного предложения» с одним из главных членов основного предложения - с подлежащим или со сказуемым, смотря по тому, какая часть преимущественно объясняет. Здесь мы впервые встречаем указание лингвиста на особую коммуникативно-прагматическую функцию вставного элемента - пояснить, уточнить, дополнить общее содержание высказывания.

В «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» П.И. Давыдова отмечается способность некоторых «наречий» (*действительно, может быть* и др.) выразить значение сказуемого: действительность, необходимость. Эта функция сближает их с категорией наклонения глагола.

С данного периода в грамматике стали рассматриваться «вводные слова и предложения», при этом к вводным относятся как собственно вводные конструкции, так и вставки. Вводность и вставочность как языковые явления еще не различаются, однако уже на этом этапе делаются попытки их разгра-

ничения. Так, в работах А.Х. Востокова, И. Давыдова, в первом издании «Начертаний русского синтаксиса» П. Перевлесского (1843г.) выделяются два типа вводных предложений: одни из них выражают модальные значения, другие являются средством сообщения добавочного замечания.

Исследователями русского языка начала XIX в. (А.Х. Востоковым, затем Ф.И. Буслаевым и др.) было отмечено такое явление, когда некоторые слова или группы слов с разной степенью смысловой законченности в составе предложения не обнаруживают видимой формальной и необходимой смысловой связи с этим предложением. А.Х. Востоков в «Русской грамматике» употребляет понятие «вводное предложение», но в его определении нет четкости: «между частями главного предложения может вставлено быть особое предложение, называемое вводным, которое не привязывается местоимениями или союзами к главному предложению, и может быть опущено без нарушения смысла» [Цитирую по: Руднев А.П., 1968:174].

В данном определении:
а) вставка на бызается вводным предложением,
б) рассматривается структурно-семантическая характеристика вставного предложения;
в) не актуализируется внимание на позиции говорящего, который эту вставку все-таки употребил в речи.

В.А. Богородицкий, не касаясь вопроса происхождения вводных предложений, отмечает существование таких конструкций, которые, «будучи совершенно независимыми, вставляются в другое предложение без каких-либо связующих слов, это - так называемые вводные предложения. При произношении они получают особый темп и другую силу, и тон» [Богородицкий В.А., 1935: 240]. Здесь мы уже видим косвенное указание на метатекстовую функцию вводных конструкций в одном из аспектов - особом интонационном оформлении, которое впоследствии В.А. Белошапкина выделит в особый признак вставочности, - «коммуникативную сдвинутость

предложения, выражаемую интонационно» [ОнишкоСГ.,1997:5].

Понятие вводности, как известно, стремился обосновать И.И.Мещанинов. «Это те слова, - писал он, - которые в известной своей части выступают в вводных членах предложения и потому не входят в синтаксические отношения с отдельными словами предложения, а относятся ко всему высказыванию целиком» [Мещанинов И.И., 1975: 288].

Позиция ученого опирается на структурно-семантический подход к вставкам, при этом о метатекстовом назначении вводных элементов речь не идет вообще.

Этой же точки зрения придерживался и Ф.И. Буслаев, который в «Исторической грамматике русского языка» рассматривает вводные слова как разновидность одного из сложных или слитных предложений, которые должны быть соединены по способу подчинения, но вставлены в предложение без всякой «видимой» грамматической связи [Буслаев Ф.И., 1959: 64]. Однако в отличие от А.К. Востокова и Н.И. Греча, Ф.И. Буслаев не допускает у, возможности «опущения» вводных единиц из состава предложения и не отрицает вообще наличия связи вводных единиц с предложением.

Мы можем предположить, что исследователь здесь намечает более широкий, по сравнению со структурно-семантическим, подход к исследованию вводных и вставных конструкций, который представлен пока лишь как проблема.

В рамках традиционной грамматики А.А. Потебня дал некоторый материал, обогащающий представления о генетической природе вводных конструкций. Он указал этимологию ряда модальных слов и частиц; например: *пожалуй, небось, чай*, возникших на месте сказуемых в форме повелительного склонения; *чать, чуть*, возникших на месте составного сказуемого, состоящего из инфинитива с вспомогательным глаголом *есть*; *авось* - частицы, возникшей от местоименного указания на будущее событие.

Можно с уверенностью говорить о первых попытках классификации

вводных и вставных элементов на основе диахронии.

В учении А.А. Потебни вводные слова изображались как вводные предложения или как остатки вводных предложений. Аналогичный взгляд лег в основу анализа вводных слов в «Синтаксисе русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского. Ученый рассматривал вводные слова как «часть «часть неоконченного, недоговоренного «предложения» или «как результат сокращения некогда полного предложения», от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу» [Цитирую по: Руднев А.Г., 1968: 175].

Эта позиция и лежит в основе современной и весьма актуальной проблемы смешения понятий вводности и вставочности, разграничения вводных и вставных элементов.

Д.Н. Овсянико-Куликовский чрезвычайно противоречиво охарактеризовал и синтаксическую природу внешней связи вводных единиц, так что вторая часть определения как бы отрицает первую. Это слова, входящие в предложение, но не в нем» [Цитирую по: Руднев А.Г., 1968: 175].

Необходимо заметить, что, рассматривая предикативность предложения и отмечая как ее характерную черту различение трех грамматических лиц», Д.Н. Овсянико-Куликовский указывает на особое положение первого лица, то есть лица говорящего: «В известном смысле оно всегда чувствуется в каждом акте предсказания, скрываясь, если можно так выразиться, за кулисами его, откуда иногда оно как бы «выглядывает» вроде: *например, полагаю, мне кажется* и т.п.» [Овсянико-Куликовский Д.Н., 1912: 30]. Что уже, на наш взгляд, отражало наличие субъективной точки зрения в предложении, то есть, выражения отношения к сообщаемому со стороны *говорящего*.

Изложение проблемы по вводным словам и словосочетаниям излагается в трудах А.М. Пешковского. Для нас важным является тот факт, что, определяя вводность как субъективно-объективную категорию, А.М. Пешковский указывает на то, что вводные слова показывают, «как говорящий относится к

той или другой мысли: верит он в нее или нет, доволен он ей или нет, хочет он ее осуществления или нет и т.д.» [Пешковский А.М., 1956: 372].

Академик А.А. Шахматов признает наличие в русском языке и вводных слов, и вводных предложений, но в «Синтаксисе русского языка» он рассматривает только вводные слова. При этом А.А. Шахматов несколько суживает объем явления вводности. Он признает вводными словами только редуцированные предложения. Вводные слова «являются редуцированными по своему смыслу предложения и восходят к действительным, настоящим предложениям» [Шахматов А.А., 1941: 265].

Таким образом, вне поля его зрения остаются те вводные слова и словосочетания, которые не происходят от предложений. В частности, *повидимому* он считает наречием. Отказ от рассмотрения таких слов как вводных сказан и на фоне роли тех вводных слов, которые восходят к предложениям.

Так, А.А. Шахматов указывает, что вводные слова «входят в предложение определенное наличие видоизменяя, так или иначе или дополняя сказуемое предложения» [Шахматов А.А., 1941: 265]. А семантико-синтаксическую функцию вводных слов ученый определял следующим образом. «Вне предложения, но введенными в его состав, сказываются так называемые вводные слова или вводные предложения. Они в большинстве случаев вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление» [Шахматов А.А., 1941: 47]. Это утверждение представляется для нас весьма существенным в аспекте выделения класса так называемых вводных и вставных элементов «метаязыкового комментирования» [Онишко С.Г., 1997: 3].

В последующих трудах выдающихся лингвистов можно проследить как формировались знания о вводных элементах, каковы были способы описания, терминологического определения, как доказывались основания для их классификации, как дифференцировались различные аспекты изучения

вводных элементов, которые отразили многоаспектные исследования явлений вводности, в том числе и в русле коммуникативной прагматики.

Со второй половины XX века в связи с выдвинутым академиком В.В. Виноградовым понятием модальности как многообразного языкового проявления оценочной, интеллектуальной и эмоциональной, а также волевой деятельности человека, и попыткой поставить вводные единицы в связь с этим понятием интерес к проблеме вводных и вставных элементов стремительно возрастает.

«Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности» [Виноградов В.В., 1950: 41]. Несмотря на расплывчатое определение самого понятия «модальность» и круга тех языковых средств, которые служат для ее выражения, изучение структуры предложения с точки зрения его модальных свойств развернулось чрезвычайно широко. Категории модальности дифференцируют на объективную и субъективную. Субъективная модальность отражает объективные связи и отношения между элементами денотативной ситуации и является обязательным признаком любого высказывания.

Субъективная модальность выражает оценочно-характеризующее отношение к достоверности мыслительного содержания, отражающее соответствующую ситуацию, а основным средством выражения субъективного аспекта модальности служат вводные слова **-конечно, действительно, вероятно, безусловно.**

Например:

Иное, конечно, дело люди, "двуязычные": в совершенстве владея вторым языком, они, вероятно, могут "думать" и на каэ/сдом из двух, по эюеланию (Л. Успенский. «Слово о словах»).

«Вводные синтагмы», по мнению В.В.Виноградова, используются для «выражения разных логических и эмоционально-оценочных значений и разных стилистических квалификаций речи и отражают точку зрения

говорящего: оценку высказываемой мысли или способ ее выражения» [Виноградов В.В., 1975: 70], и далее «... вместе с тем, очевидно, что модальные краски и оттенки, введением синтагм, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматический грунт предложения, уже имеющего модальное значение» [Виноградов В.В., 1975:75].

Весьма существенно в связи с этим и мнение академика И.И. Мещанинова, указывающего на то, что «к числу выделяемых в особую часть речи вводных (модальных) слов можно присоединить только такие слова, которые получили специальное назначение выступать в вводном члене субъективной оценки и закрепляются за этим членом предложения». [Мещанинов И.И., 1945: 74]. Как отметил В.В. Виноградов, из множества слов, оборотов, предложений, «передающих детали субъективного выражения во всех его возможных смысловых разновидностях многохарактерной речевой экспрессии», лишь сравнительно незначительная часть попадает в постоянное использование в этих вводных членах предложения и в них приобретает свое особое и уже стабильное оформление» [Виноградов В.В., 1972:74].

Термином «субъективная модальность» обозначается формально неоднородный круг средств, используемых говорящим для выражения своего личного отношения к тому, о чем он сообщает. К сфере субъективной модальности относятся разные аспекты интеллектуальных квалификаций и оценок, а также значения, связанные с выражением эмоциональных и волевых реакций говорящего.

Следует заметить, что «субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого и реализуется лексико-грамматическим классом слов, эти средства обычно занимают в составе высказывания

синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц» (Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 303).

Таким образом, становится очевидным, что субъективная модальность - это категория языка, которая имеет одним из репрезентантов в предложении вводные единицы.

Так, например, для того, чтобы выразить субъективную оценку предположения говорящего лица используется вводная конструкция *может быть*.

*Нынешним летом потянуло меня опять в ту дорогу, как тянет журавля на старые гнездовья. **Может быть**, мне хотелось увидеть своими глазами, как все теперь изменилось к лучшему? **А может быть**, хотелось забраться глубже, дальше в ту страну, куда ведет нескончаемая нить воспоминаний, назад к юности, к детству, к началным истокам? Кто его знает, что толкнуло меня в эту дорогу (Б. Можжевель. «По дороге в Мегцеру»).*

В данном примере говорящий использует вводное сочетание *может быть* для выражения отношения говорящего к сообщаемому с точки зрения достоверности.

В лингвистических исследованиях понятия вводности и модальности в большинстве случаев отождествляются. Лингвистический статус модальности определяется также средствами, которые обеспечивают функциональную сущность этой категории в языке. Традиционно все модальные средства называют вводными или модальными словами. (Е.М. Галкина-Федорук, Р.Н. Попов, Г.Я. Солганик, Е.С. Скобликова, А.Н. Тихонов, Н.Н. Холодов). Если исходить из положения, которое лежит в основе трактовки понятий «вводность» и «модальность», определяющей их различие, и, которое, видимо, обусловлено их взаимодействием, то следует, несомненно, обратиться к выводам В.В. Виноградова, который писал: «Само название модальных слов «вводными» только внешне обозначало их место в связной речи, но не определяло их внутренней грамматической природы в современном языке» [Виноградов В.В., 1972:74].

Мнение о том, что вводные единицы формально не связаны с предложением, прочно держится в нашей науке, в частности, в работах А.Н. Гвоздева, А.Б. Шапиро, Д.Э. Розенталя, В.А. Белошапковой и др.

Тем не менее, попытки обнаружить синтаксическую связь вводных слов с отдельными словами предложения, с его частями или со всем предложением в целом становятся все более настойчивыми. А.И. Аникин, например, сближает эту связь с примыканием [Аникин А.И., 1956: 22-27]. Это мнение идет еще от академика А.А. Шахматова. Д.И. Ганич настойчиво проводит мысль о том, что грамматическая связь вводных слов с предложением существует (при этом он исходит из того, что, где есть смысловые связи, там есть и грамматические связи), что она выражается в интонации и в порядке слов, но дать свое определение этой связи он не решается [Ганич Д.И., 1957: 12].

Дальше всех в этом направлении идет, сколько мы можем судить, А.Г. Руднев. Автор пишет, что «собственно» вводные слова или группы слов видятся в составе предложения как особый член предложения с особым назначением, отличным от других членов предложения» [Руднев А.Г., 1959: 146].

Вводное слово становится особым членом предложения на основе существования между вводным словом и определяемым, по мнению А.Г. Руднева, членом предложения особой соотносительной связи, которая есть не что иное, как смысловая связь, грамматически выраженная фактом включения в состав предложения и соседством определяющих и определяемых слов. По словам А.Г. Руднева, вводные слова, выполняя определенные смысловые функции в предложении и имея свое специфическое грамматическое оформление, стоят не вне его, не при нем, а в нем, выступая в роли особого вводного члена предложения или вводного предложения.

Мама, Ольга Петровна, была, как всегда, занята хозяйством, в котором ей помогал только приказчик, — староста, как называли его на дворе. — часто бывала в поле, ложилась спать, как только темнело (И. Бунин. «Ми-

тина любовь»).

Или же в другом контексте:

- Ну, что же, теперь, **я надеюсь**, вы вспомнили мою фамилию?

Но Степа только стыдливо улыбнулся и развел руками (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Таким образом, отрицается «членство» вводных слов в предложении с точки зрения традиционных представлений о членах предложения, но признается в качестве факта особого рода. В соответствии с этим и связь вводных слов в предложении трактуется как особая, отличная от всех видов подчинения и сочинения, но, которая может быть охарактеризована, однако, как зависимая.

Существует и третья точка зрения, суть которой можно уяснить, в частности, из определения вводного образования, данного И.И. Седуном.

Вводными он называет «нобочные образования в составе предложения, связанные с ними формами прерывистых связей и включаемые в него с сохранением формальной независимости...» (Седун П.И., 1955: 5). От предыдущей данная точка зрения отличается именно тем, что, утверждая наличие связи, она характеризует ее как независимую.

Это мнение, в частности, от В.А. Богородицкого. Сходный взгляд на вводные конструкции высказывает академик И.И. Мещанинов. Ш. Балли называет рассматриваемую нами связь (применительно к французскому языку) сочинением [Балли Ш., 1955: 66].

В лингвистическом наследии XX столетия по вопросу о вводных и вставных конструкциях дискуссионными остаются вопросы относительно объединения их под общим термином «вводные». В работе СИ. Абакумова «Методика пунктуации» (1947г.), в которой указывается на многообразие языковых явлений, объединенных термином «вводные»; общим для всех этих явлений с формальной стороны становится их синтаксическая изолированность; распознавать их можно только со стороны значения.

Автор «Методики пунктуации» в связи с изучением «вводных слов, словосочетаний и предложений» предлагает сообщать учащимся «список слов, которые принято (частью по традиции) считать вводными» [Абакумов СИ., 1947: 65].

Такой подход к изучению вводных элементов не мог не привлечь внимания лингвистов. В 1948 году А.Б. Шапиро дает рецензию на работу СИ. Абакумова «Методика нунктуации». Именно в этой работе А.Б. Шапиро впервые указал на необходимость разграничения вводных конструкций и вставок. Он отмечал, что СИ. Абакумов слишком широко использовал термин «вводные слова и предложения», когда говорил, что вводные предложения, более обширные по объему, пишутся в скобках.

По мнению А.Б. Шапиро, вставными являются «слова, группы слов, предложения, группы предложений, имеющие особую функцию - добавочного, ранее не предполагавшегося к включению в основную ткань предложения (замечания)» [Шапиро А.Б., 1948: 65].

Важным в данной работе является и то, что автор указывает на возможность грамматической связи вставок с членом основного предложения или со всем основным предложением, в то время как вводные слова и предложения такой связи не имеют. Подчеркивается, что именно вставки обладают возможностью грамматической связи. В более поздней работе «Современный русский язык. Пунктуация» (1966г.)

А.Б. Шапиро говорит, что «вставочный характер может иметь почти любой член предложения, многие типы придаточных предложений в составе сложного, но наряду с этим существуют такие слова, предложения, которые ни в каких синтаксических отношениях с основной частью предложения не находятся» [Шапиро А.Б., 1966: 192].

Таким образом, ученый одним из первых выделяет две группы вставок: связанные с основным предложением и не связанные с ним.

Большинство исследователей обосновывает необходимость строгого разграничения вводных конструкций и вставных, руководствуясь различиями этих категорий по смысловому содержанию, функциям в речи, лексико-грамматическими свойствами и особенностями в синтаксическом оформлении вводных и вставных конструкций (порядок слов, характер внутренней структуры и пр.) [Щеболева И.И., 1955: 87-109, Тихомиров В., 1963: 100-102].

Мы считаем, что состояние вопроса требует именно коммуникативно-прагматического изучения специфики тех и других конструкций, поэтому и выделяем вводные конструкции в особую категорию, отличную от вставок на основании различного характера реализуемых интенций говорящего.

В связи с этим весьма интересна полемика, возникшая между учеными по вопросу необходимости разграничения вводных конструкций и вставок. Так, А.Г. Руднев в работе «Синтаксис осложненного предложения» (1959г.), критикуя выдвинутый А.Б. Шапиро принцип разграничения названных синтаксических явлений, считает доводы автора недостаточными для признания вставочности в качестве особой синтаксической категории, поскольку вставки не имеют, по мнению А.Г. Руднева, отличных от вводных слов смысловых функций и особого осмысления, составляющих единство формы и содержания как необходимых элементов для признания каждой отдельной синтаксической категории.

Однако, рассматривая смысловые функции вводных членов предложения, сам А.Г. Руднев к некоторым функциям (степень достоверности сообщаемого, указание на источник высказывания, указание на переход к выводу) подбирает в качестве примеров только вводные конструкции, а к некоторым функциям (всякого рода замечания, делаемые попутно, мимоходом, вскользь, справки для пояснения того, о чем идет речь) только вставки, тем самым фактически разграничивая вводные конструкции и вставки по смысловым функциям. Например:

Я должен буду, без сомненья, письмо Татьяны перевести (А. С. Пушкин)

кин. «Евгений Онегин»).

Онегин был по мнению многих (судей решительных и строгих), ученый малый, но педант (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин»).

Е.П. Седун в статье «О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях» подвергает сомнению необходимость разграничивать вводные конструкции и вставки, так как видит в этих конструкциях много общего как с точки зрения интонационного оформления, так и с точки зрения структуры.

Е.П. Седун считает эти синтаксические конструкции разновидностями одной синтаксической категории - вводности. Е.П. Седун предлагает назвать родовую категорию термином «вводность», а вместо терминов «вставные конструкции» и «вводные конструкции» употреблять соответственно названия «объективно-модальная вводность» и «субъективно-модальная вводность» [Седун Е.П., 1979: 194].

Не менее интересна, на наш взгляд, работа И.И. Щеболевой «Общая характеристика вставных конструкций в современном русском литературном языке», так как в ней автор детально обосновывает необходимость четкого разграничения вводных и «вставочных» конструкций: «Всестороннее исследование вставных конструкций в современном русском языке связано с отграничением их от смежных с ними других синтаксических явлений» [Щеболева И.И., 1955: 59].

Вставочные конструкции, будучи носителями дополнительных, побочных замечаний вступают в особую смысловую связь с тем предложением, в состав которого они входят. Она отмечает, что «вводные» и «вставочные» конструкции относятся к числу синтаксических явлений, осложняющих простое предложение», но между ними много различий, которые позволяют выделить вставочность в самостоятельную синтаксическую категорию. Эти различия сводятся, в основном, к следующему:

1) вводные конструкции являются лексико-грамматическим средством

выражения модальности; «вставочные конструкции» не выражают модальных значений, а употребляются для сообщения различного рода оговорок, ссылок, дополнительных замечаний и пояснений; таким образом, вводные и «вставочные» конструкции отличаются друг от друга своей *основной функцией в речи*;

2) различен характер их смыслового содержания: в отличие от вводных конструкций, характеризующихся ослаблением своего лексического значения, «вставочные конструкции» *полностью сохраняют свое лексическое значение*;

3) вводные конструкции включают относительно устойчивый, ограниченный по смыслу круг слов или словосочетаний, а также строго ограниченный круг структурных типов вводных предложений; вставки же не связаны с определенными лексико-грамматическими средствами выражения и *характеризуются чрезвычайным разнообразием структурных типов, соотносимыми с несвязными предложениями*.

4. И. Студнева, ставя перед собой цель конкретизировать функционально-семантическое соотношение вводных и вставочных конструкций в современном русском языке, и в какой-то мере содействовать решению задачи по их разграничению, приходит к выводу, что вводные предложения, не являясь коммуникативными единицами языка, содержат субъективное отношение говорящих к содержанию высказывания и выполняют модальную функцию, функцию обращения и модально-эмоциональной оценки того, о чем говорится в основном предложении (А.И. Студнева 1969).

Вставочные предложения, имея дополнительный или оговорочный характер и объективно-модальное содержание, выполняют функцию уточнения, пояснения и эмоционального сопровождения высказывания и являются средством речевой коммуникации с назначением сообщения о фактах действительности. Следовательно, это различные синтаксические категории и нет достаточных оснований объединять их одним понятием

«ВВОДНЫЕ».

Таким образом, необходимость разграничения вводных конструкций и вставок привела к возможности выделения основных характерных признаков вставок как самостоятельного синтаксического явления:

- 1) смысловая связь с отдельными членами предложения или со всем основным предложением;
- 2) выражение различных попутных, добавочных замечаний, поясняющих, уточняющих и развивающих содержание основного высказывания, что можно расширить и за счет эмотивно-оценочной коннотации;
- 3) специфическая интонация;
- 4) выделение скобками или тире на нисыме.

Ученые признают вставку как самостоятельное синтаксическое явление. Лишь некоторые лингвисты продолжают считать вставки, составляющей частью категории вводности: к их числу принадлежат Л.И. Сердюкова, т.е.

Глушак и Р.С. Самолетова (последние два соавтора называют вставки «вводными структурами» и «паразитическими включениями») [Глушак Т.е., Самолетова Р.С., 1985: 290].

При изучении вставок как самостоятельного синтаксического явления рассматриваются их структура, семантика и функционирование. Информация, включаемая в состав предложения с помощью вставок, не всегда является второстепенной, передающей лишь попутные замечания. Довольно часто вставки несут важную информацию, без которой основное предложение не получило бы значимой для автора коммуникативной направленности (А.И. Аникин, Э.Г. Ризель, Е.В. Кривошеева, А.Ф. Прияткина).

Например:

Тут же он вспомнил, что сам Кончеев в своих критических обзорах не раз, — свысока и, в сущности, столь же недобросовестно, — задевая Мортуса (который, кстати сказать, был в частной жизни женщиной средних лет, матерью семейства, в молодости печатавшей в «Аполлоне» отличные стихи, а теперь скромно жившей в двух шагах от могилы

Башкирцевой и страдавшей неизлечимой болезнью глаз, что придавало каждой строке Мортуса какую-то трагическую ценность) (В.Набоков. «Дар»).

В предложении, содержащем вставку, в современных лингвистических изысканиях выделяют два плана высказывания. Так, Л.И. Сердюкова указывает, что эти планы равноправны, а О.Е. Белинская считает, что один из планов высказывания главный (он содержится в основном предложении), а другой - второстепенный (содержится во вставке).

По мнению Н.А.Кобриной, предложения со вставками отражают в речи «не абсолютную линейность речи, а ее возможную ярусность» [Кобрина Н.А., 1974: 36]. На это же указывает С.Г. Онишко, называя структуру со вставкой «двухтекстом» [Онишко С.Г., 1997: 4].

В работе Я.Г. Биренбаума «Пространство вводимости и придаточные предложения» отмечается, что вставка создает структуру двуслойности за счет объединения в одном предложении частей достаточно резко различающихся между собой семантически, а часто и ритмико-мелодически, грамматически, стилистически» [Биренбаум Я.Г., 1976: 46].

Лингвисты по-разному рассматривают проблему синтаксического статуса. Согласно традиционной точке зрения, вставки являются единицами осложнения (А.И. Аникин, Н.С. Валгина, А.Н. Гвоздев, Ю.М. Златопольский, Г.Н. Манаенко, Н.Т. Онишук, А.И. Студнева, М.М. Тягунова, Н.М.Шанский).

Другие ученые определяют такие предложения, как бипредикативные предложения со вставной предикативной единицей, то есть рассматривают вставки, выраженные предикативной единицей, как часть сложного предложения. (Т.А. Колосова и М.И. Черемисина); как сложные парантетические предложения (Э.Г. Ризель); или как особую структуру, включающую предложение (вставную предикативную единицу) (Н.А. Кобрина). Иная точка зрения принадлежит А.Ф. Прияткиной: «Синтаксическое явление, которое называют вставкой, выходит далеко за рамки осложненного предложения, оно связано и со структурой сложного

предложения, и со структурой текста» [Прияткина А.Ф., 1990:125].

Проводится анализ вставок в плане их соотношения с текстом; выделяются два типа вставок: а) не связанные с основным предложением и б) связанные с ним.

Термины для обозначения этих типов избираются самые различные: «собственно вставки и сепаратизованные члены предложения»

(Л.С. Пастухова); вставки «с невыраженной и выраженной грамматической Связью» (В.С. Фирсов); «конструктивные и неконструктивные вставки» (А.Ф. Прияткина).

А.И. Аникин в своих работах подробно описывает грамматические и лексико-семантические средства связи вставок с основным предложением. Textoобразующая функция вставок изучается на материале художественных произведений (А.И. Аникин, О.Е. Белинская, Д.И. Гуршай, Л.П. Григорьева, М.Н. Кулаковский, В.А. Шаймиев). Пристальное внимание уделяется функции актуализации определенной информации основного предложения с помощью вставки (Л.А. Аверкин, Н.А. Кобрин, Е.В. Кривошеев, Э.Г. Ризель,).

Определяя эту функцию как особый стилистический прием - парантезис (Э.Г. Ризель), или стилистический прием, направленный на создание эмоционально-эстетического эффекта (М.Т. Онишук), ученые признают особую экспрессивность вставок (Г.Н. Акимов, Е.И. Иванов, Л.Г. Кайда, Л.С. Пастухова). Благодаря функции «экспрессивного разрыхления речи» (Э.Г. Ризель), вставка в составе основного предложения рассматривается в качестве «экономного средства выражения информативного объема» (С.О. Глушакова, М.М. Тягунова, Л.С. Пастухова).

Проанализировав и обобщив точки зрения ученых-лингвистов на вводные компоненты и вставки, мы определили основные векторы своего исследования:

1. В речи существуют и категориально различаются вводные элементы и вставные элементы.

2. Вводный элемент определяется с позиций коммуникативно-прагматической лингвистики как компонент высказывания, формирующий модальный план и реализующий определенные коммуникативно-прагматические установки говорящего.

3. Вставные элементы с позиции коммуникативно-прагматической лингвистики определяется, с одной стороны, как особое синтаксическое явление, выходящее за рамки и осложненного, и сложного предложения, так как может быть выражено и той и другой конструкцией. С другой стороны - вставка структурно осложняет включающее предложение, на уровне высказывания создает «двутекст» и выражает метакоммуникативное содержание.

4. Вставные элементы вводят в высказывание дополнительную информацию и реализуют определенные коммуникативно-прагматические установки говорящего

Хотя в лингвистике вводные и вставные элементы как синтаксическое явление изучались разносторонне (структурно-семантически и функционально), в лингвистических работах, посвященных данной проблеме, не представлена последовательная классификация данных речевых единиц в коммуникативно-прагматическом аспекте, что и послужило одной из причин нашего обращения к данной проблеме.

дисс.рф

8(904)111-111-11

diss@mail.ru

1.2. Вводные и вставные элементы в координатах коммуникативно-прагматической ситуации и реализации коммуникативных установок говорящего субъекта

Коммуникативно-прагматическая ситуация есть фрагмент речевого общения, который моделируется как достаточно сложная и динамичная система - от минимальной коммуникативной модели «адресант - речевое произведение - адресат» до многокомпонентной модели.

Модель общения в коммуникативно-прагматической ситуации, применяемая в современных научных исследованиях, чаще всего является модификацией схемы, предложенной К. Бюлером.

Известный психолог и лингвист К. Бюлер, говоря о формах существования конкретных языковых явлений, определял модель полного конкретного речевого события в совокупности с жизненными обстоятельствами, в которых оно встречается «до некоторой степени регулярно».

В качестве структурных элементов ситуации речевого общения ученый рассматривал в первую очередь: отправителя и получателя языкового сообщения, понимаемых как «психофизические системы» [Бюлер К., 1993: 30-34].

Однако в коммуникативной модели К. Бюлера выделяются три «вершины», которые другой известный лингвист Р. Якобсон обозначил соответственно: первое лицо - говорящий, второе лицо — слушающий и третье лицо - собственно некто ли нечто, о ком идет речь [Якобсон Р., 1975:200].

Р. Якобсон, рассматривая в свою очередь проблему моделирования речевого события, выделил компоненты, или факторы, так называемого акта речевого общения следующим образом: адресант посылает сообщение адресату, и, чтобы сообщение могло выполнить свои функции, необходимы также контекст, код и контакт.

Под контактом ученый понимал физический канал и психологическую связь между адресантом и адресатом, обуславливающие возможность установить и поддержать коммуникацию вербальным и невербальным кодом.

МОДЕЛЬ АКТА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ (по Р. Якобсону) :

Контекст

Сообщение

Адресант адресат

Контакт

Код

В коммуникативно-прагматическом анализе вводных и вставных элементов мы отталкиваемся от данной модели Р. Якобсона и устанавливаем, что адресант отправляет адресату речевое сообщение (устное или письменное), где в определенном контактном окружении присутствуют вводный или вставной элементы, в которых содержится субъективно-модальное и прагматическое содержание.

Конкретную ситуацию речевого общения Э.С. Азнаурова вполне справедливо именуется коммуникативно-прагматической, определяя ее - с позиции осуществления коммуникации - как комплекс внешних условий общения, присутствующих в сознании говорящего в момент осуществления речевого акта: **кто-где-когда-как-зачем-кому** говорит [Азнаурова Э.С, 1988: 38].

Другой прагматической - составляющей этого комплекса, по мнению исследователя, является результативность прагматического эффекта, выражающаяся в реакции адресата, его вербальном/невербальном поведении.

Э.С. Азнаурова, опираясь на данные эмпирических наблюдений над

коммуникативными актами, вполне справедливо выделяет следующие наиболее устоявшиеся параметры коммуникативно-прагматической ситуации:

- обстановка и место коммуникативного акта;
- предмет и цель коммуникации;
- социальные, этнические, индивидуальные характеристики участников речевого общения;
- ролевые и личностные отношения между коммуникантами.

Наиболее адекватно отвечающим нашим представлениям о модели коммуникативно - прагматической ситуации является модель ситуации речевого общения, предложенная Д.Г. Богушевичем. Автор идеи справедливо подчеркивает, что в основе всех функций языка лежит его свойство организации, согласования и регуляции деятельности.

В ситуации общения, по мнению исследователя, должны рассматриваться не субъект речи и адресант, как объект воздействия, а субъекты деятельности. Кроме субъектов деятельности в структуре ситуации общения Д.Г. Богушевич рассматривает и деятельность, и объекты деятельности субъектов общения, поскольку эти объекты (наряду с мотивом деятельности) обуславливают специфическую форму деятельности и последовательность целей и действий по их достижению.

Согласующей, организующей цели деятельности служит язык.

Определяя ситуацию общения в категориях деятельности, Д.Г. Богушевич выделяет в этой ситуации лингвистическую часть общения, которая состоит из кода (системы языка), системы употребления, то есть системы определения уместности общения и выбора подходящего варианта кода.

В лингвистическую часть общения Д.Г. Богушевич включает канал связи и сообщения, которыми обмениваются субъекты. Причем автор особо подчеркивает, что в рассматриваемую им систему входят не сообщение, а сообщения. Множественное число подчеркивает тот факт, что все субъекты, включенные в ситуацию, не просто меняют роли, а являются с точки зрения общения равноправными ее участниками.

Признание принципиального равноправия участников общения позволяет рассматривать общение как циклический процесс, происходящий не только под действием самого общения, но и под влиянием целевой установки деятельности [Богущевич Д.Г., 1985: 41].

Тогда ситуацию общения можно представить следующим образом (Д.Г. Богущевич, 1985; Е.А Добрыднева, 2000):

Речь

Система языка

Система употребления

Канал связи

Речевое общение

ОБЩЕНИЕ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Речь

Объект деятельности

дисс.рф
8(904)111-11-11

Коммуникативно-прагматическую ситуацию Е.А. Добрыднева сравнивает с процессом кинопроизводства «в виде отдельных мгновенных кадров, и протяженность такого кадра будет равна производству одного высказывания предложения. И тогда каждый этот кадр, или фрагмент, следует рассматривать, с одной стороны, как определенную в своей системности компонентов ситуацию речевого общения по производству отдельного высказывания - коммуникативный акт, а с другой стороны, как часть более протяженного во времени и пространстве процесса речевого общения, в результате которого рождается и воспринимается текст [Добрыднева Е.А., 2000: 126].

Общепринятым считается утверждение о том, что речевое общение осуществляется в двух формах: устной или письменной.

В коммуникативно-прагматическом аспекте между двумя формами речевого общения существуют принципиальные различия. Так, устное общение характеризуется сиюминутностью, эллиптичностью,

экзофоричностью, то есть тесной вплетенностью в экстралингвальный контекст. Такое речевое общение получило в лингвистике определение непосредственного (полноценного, или канонического), когда говорящий и адресат не отделены ни в пространстве, ни во времени друг от друга и от восприятия отправленного текста.

Письменное общение - это общение посттемпоральное, подготовленное, развернутое и эндофоричное, иначе говоря, менее зависимое от экстралингвального контекста (В.В. Богданов 1990). Это общение осуществляется в **парративном режиме**, когда текст воспринимается, понимается и интерпретируется адресатом вне непосредственной соотнесенности с ситуацией его порождения.

Следовательно, анализируя коммуникативно-прагматические свойства вводных и вставных элементов в структуре отправленного высказывания и текста, мы должны рассматривать их в условиях порождения: **кому - когда - с какой коммуникативной установкой** отправляет текст говорящий, если включает в него вводные и вставные элементы коммуникативно-прагматических классов.

Проблема соотношения текста и коммуникативно-прагматической ситуации, в которой он порождается, воспринимается и интерпретируется, выводит нас на рассмотрение проблемы соотношения таких понятий, как текст и дискурс.

В исследованиях коммуникативной направленности противопоставляются текст и зафиксированный на материальном носителе (И.Р. Гальнерин, В.В. Богданов и др.) и дискурс, то есть текст, погруженный в определенную ситуацию общения (В.И. Карасик), определяемый психологическими, социокультурными, прагматическими и другими факторами (Н.Ф. Алефиренко), или общими для говорящего и адресата пропозициями (В.З. Демьянков).

Несомненно обращает на себя внимание тот факт, что в современном языкознании нет однозначного толкования понятия «дискурс».

По мнению исследователя данной проблемы А.Г. Гурочкиной, во многих

функционально ориентированных работах понятие «дискурс» рассматривается широко - как все, что говорится и пишется, как синхронно осуществляемый процесс порождения текста и его восприятия, и в конечном итоге - как явление процессуальное, деятельностное [Гурочкина А.Г., 1999: 13].

Нередко «дискурс» определяется, как процесс производства «текста» и в связи с этим противопоставляется «тексту» по ряду критериев: функциональность - структурность, динамичность - статичность, актуальность - виртуальность и т.д. Оппозиции такого рода, по нашему мнению, восходят к известной в науке антиномии Ф. де Соссюра «речь – язык» и перекликаются с гумбольдтовским пониманием языка как статического явления, а речи - как динамического.

При таком подходе исследуем возможным рассматривать дискурс, как коммуникативно-прагматический аспект текста со всеми вытекающими отсюда характеристиками.

В аспекте исследования коммуникативно-прагматических свойств вводных и вставных элементов нас интересует дискурс, как связанная, разворачиваемая во времени последовательность различных высказываний (в первую очередь содержащих вводные и вставные элементы), создаваемая коммуникантами в соответствии с определенными коммуникативными (информационно воздействующими) установками в конкретной коммуникативно-прагматической ситуации.

Итак, в нашем исследовании коммуникативно-прагматических свойств вводных и вставных элементов ситуация речевого общения - это коммуникативно-прагматическая ситуация, которая может одновременно рассматриваться как «однокадровая» (или одноактная ситуация передачи и восприятия высказывания), и как «многокадровая» (или полиактная) ситуация создания дискурса.

В первую очередь мы рассматриваем ситуацию общения, в которой используются вводные и вставные элементы, в двух взаимообусловленных по-

зициях участников общения: в позиции субъекта речи, который «произносит предложения, выражающие суждения, чувства, изложение событий и т.д.» [Звегинцев В.А., 1996: 21], и в позиции адресата - получателя информации.

В разработке проблем исследования вводных и вставных элементов, функционирующих в процессе речевого общения, мы исходим из следующего представления одноактной субъектно-объектной, или адресантно - адресатной, деятельностной модели:

1) субъект коммуникативно-прагматической деятельности (или в сокращенном варианте - субъект речевого общения) - это коммуникант, или говорящий, который:

а) наделен речемыслительной способностью ставить и реализовывать цели деятельности вообще, деятельности общения, речевого общения и акта речевого общения в частности, получившего в современных научных исследованиях определение коммуникативного акта;

б) включает в корпус речевых средств вводные и вставные элементы как показатель субъективного, эмоционально-оценочного отношения говорящего к высказыванию;

2) объект коммуникативно-прагматической деятельности, это активно воспринимающий речь коммуникант, или адресат, который:

а) наделен способностью восприятия, понимания и интерпретации целого текста, отдельного высказывания;

3) речевая активность, в континууме и, одновременно, в дискретности которой коммуниканты используют и интерпретируют, в совокупности с другими средствами языка вводные и вставные элементы.

Доминирующим понятием, позволяющим классифицировать вводные и вставные элементы русского языка, является понятие коммуникативной установки говорящего.

Языковая личность владеет коммуникативной ситуацией, придавая речевому ходу определенную иллокутивную силу. Являясь субъектом дискурса, она вместе с тем способна этот дискурс создавать. Это означает, что в

дискурсе воплощаются присущие его субъектам способности к осуществлению определенных видов деятельности, в том числе и коммуникативной, доминирующие чувства и мотивы деятельности, индивидуальные особенности протекания психических процессов [Сусов И.П., 1989: 9].

Выбор вводных и вставных элементов из синтаксических средств языка предполагает мыслительные усилия, направленные на извлечение из памяти единиц, выражающих либо субъективную позицию говорящего, либо введение попутного замечания, ориентированных на реализацию совокупности коммуникативных установок говорящего: обозначить референтную ситуацию, выразить эмотивно-оценочное состояние, отправить эту информацию адресату в непосредственном или отсроченном вербальном контакте и тем самым воздействовать на него определенным образом.

В аспекте лингвопрагматики термин «установка» приобретает значение «материализованного в тексте, осознанного намерения отправителя сообщения оказать воздействие на получателя речи» [Знаурова Э.С., 1984: 11-13].

В лингвистике термин установка рассматривается в исследовании коммуникативно-прагматической направленности и отсюда трактуется, как предрасположенность субъекта коммуникативно-прагматической деятельности к передаче определенной информации с расчетом на достижение ею планируемого результата.

Следовательно, коммуникативная установка говорящего, использующего в своей речевой деятельности вводные и вставные элементы, включает, с одной стороны, коммуникативные намерения субъекта речи, то есть стремление (интенцию) передать речевое сообщение определенного информационного, в том числе эмотивно-оценочного или волевого содержания определенными языковыми средствами, выбор которых зависит от условий коммуникативно-прагматических свойств, а также от социального статуса, личностных свойств субъекта коммуникативно-прагматической деятельности. С другой стороны, коммуникативная установка включает прагматиче-

ский расчет субъекта речи, то есть мысленное прогнозирование определенного результата, эффективного воздействия на адресата высказывания или текста в целом, содержащего вводные или вставные элементы.

Этот предполагаемый результат основывается на определенном видении адресата при непосредственном общении или его представлении, мысленном «моделировании» в парративном режиме коммуникативно-прагматической ситуации.

дисс.рф
8(904)111-11-11
diss@mail.ru